

ОЛЬГА
БЕНИЧ

Есть такие края...

16+

Ольга Бенич

Есть такие края...

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бенич О.

Есть такие края... / О. Бенич — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Супруги Павел и Ольга , путешествуя по Уралу, постоянно попадают в параллельные реальности, иногда в сопровождении своей собаки Бени, у которой всегда есть особое мнение по всем вопросам. Иногда они сталкиваются с персонажами древних легенд и преданий, о которых знают с детства. Увлекательные, порой опасные, приключения позволяют им переосмыслить свои жизни, судьбы своих предков и историю своей страны. В книге описаны подлинные места силы Южного Урала, которые вполне вероятно, являются порталами в иные миры для тех, кто способен к духовному развитию и не боится столкнуться с непознанным.

© Бенич О., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ольга Бенич

Есть такие края...

«Знаю я, есть края – походи, поищи-ка, попробуй.
Там такая земля, там такая трава,
А лесов как в местах тех нигде, брат, в помине и нет.
Там в озерах вода, будто божья роса,
Там искрятся алмазами звезды и падают в горы.
Я б уехал туда, только где мне достать бы билет».
Г. Сукачев

События, описанные в книге почти выдуманные, но чувства, и места, где они происходили – подлинные. С огромным уважением и любовью к природе Урала и всем людям, живущим на этой прекрасной, суровой земле.

Глава 1

Пашка медленно брел по лесу, который начинался сразу за дачным поселком. Здесь уже могли попадаться грибы, поэтому он вглядывался в траву, подходил к пенькам, скользил пристальным взглядом по корням деревьев. И вот в просвете, между двумя сросшимися стволами старой березы мелькнул ярко оранжевый подосиновик. Охотничий азарт заставил потянуться за грибом прямо через корень дерева, не удержавшись на ногах, он запнулся и плюхнулся на колени прямо перед своей добычей. Не зло сматерившись, Пашка достал нож и срезал крепкий, остро пахнущий красноголовик, потерся щекой о его замшевую шляпку и подумал, что охота будет удачной. Походив по лесу часа два, он насобирал целую корзинку груздей, нашел пару белых, и в самом конце, уже на выходе из леса, ему попалась семейка чуть переросших опять. Вернувшись на дачу, он отложил грузди, чтобы вечером с ними занималась жена, а остальные грибы пожарил на оливковом масле. Отварил несколько картофелин, сорвал с грядки пару огурчиков, нарезал укропчика. «Эх, под такую закусь не грех и рюмочку выпить», – подумал Паша. Он даже достал из холодильника бутылку прозрачного, настоящего на березовых брульках, самогона, но подумал, что вечером надо ехать в город, и с сожалением поставил ее на место. После обеда, его стало клонить ко сну, сентябрьская погода была теплой, и он расстелил себе плед прямо на газоне, возле небольшого прудика. В траве верещали кузнечики, высоко в небе парил какой-то хищник, орел, наверное. Из прудика вытягивая необыкновенно длинные лапы, вылезла лягушка, желто – золотистого цвета, и уставилась прямо на засыпающего мужика. «Слушай, ты достал меня уже со своей газонокосилкой!» – сказала она. Паша улыбнулся, сквозь сон, но лягушка, явно увеличиваясь в размерах, продолжала свою речь. «Нет, ну если тебе не нравится трава на участке, рви ее руками, или, в крайнем случае, используй косу, что ты неудобства-то всем создаешь. Мыши из-за забора жаловались, ящерицы тоже!» Сон слетел с Пашки, он уселся на траве и потряс головой: «Снится мне это, что ли? Или опять все-таки были не опять?» Лягушка тем временем уже увеличилась до размеров приличной собаки. (Приличная собака это не той-терьер). «Ты, это... Давай, подумай о своем поведении. А я пойду, в качестве компенсации, ягод поем», – проквакала она, и поскакала к кустам ремонтантной земляники. Паша, ошалев, смотрел, как она тяжело прыгает по грядкам, но с каждым прыжком лягушка уменьшалась, постепенно приобретая свои нормальные габариты. «Фу, привидится же такое», – подумал он, постепенно, приходя в себя. Спать больше не хотелось, и Паша решил ехать в город.

Был будний день, и по идее, на трассе должно было быть много машин. Но навстречу попадались только автобусы какого-то странного вида, да огромные грузовики типа рефрижераторов. Это озадачивало. Во дворе их многоквартирного дома тоже не было ни одной машины, это у них-то, где идет вечная война за парковку! Идя по двору, Паша заметил, что его обычный небольшой автомобильчик вызывает нездоровый интерес гуляющих ребятишек. Да и детей было слишком много, раньше он не замечал их в таком количестве. Все это было как-то необычно. И еще лягушка никак не выходила из головы.

Открыв дверь в квартиру, Паша чуть не сполз по стенке. Ему навстречу вышла их собака Бенья. Но шла она на задних лапах, причем она была в красных тапочках! На животе у нее болтался кружевной передник, а на голове была такая же накладка, как у горничных из дореволюционных фильмов! Паша присел на корточки, и стер со лба пот. «Вот меня штырит, видимо, все-таки, не простые грибочки я пожарил!» – подумал он. Собака тем временем осведомилась: «Что так рано? Мы тебя раньше семи не ждали. Ужина нет, не рассчитывай!» Паша не нашел ничего лучшего, как спросить: «А чего ты в фартуке?» «Чего, чего... кота обрабатывала, линяет он со страшной силой. А вам же все некогда нами заниматься. Между прочим, я – собака – компаньон, а не прислуга какая-то. Да ведь, Тимофей?». Из-за угла показался рыжий

кот, которого он подобрал пятнадцать лет назад на помойке, маленьким котенком. Сейчас это был пожилой сеньор, средних размеров, но почему-то в вязаном жакете! «Ну что ты, дорогуша, мы все должны оказывать друг другу посильную помощь», – произнес кот профессорским тоном. Паша был уже в состоянии близком к истерике. «А где Киссон?» – спросил он дорожающим голосом. (Киссон – это было домашнее прозвище его жены). «В чертогах разума», – бросила собака, пытаясь зубами развязать узел на фартуке. «Где?!» – прошептал совсем растерявшийся хозяин. «Да вон на балконе, медитирует», – благожелательно пояснил кот. Паша ринулся к балкону. Там в кресле – качалке сидела женщина, похожая на его жену, но почему-то у нее были длинные волосы, схваченные зеленой лентой, а Ольга всю жизнь носила короткую стрижку. Паша уставился на женщину, которая, похоже, была в состоянии транса, во всяком случае, она неподвижно сидела с открытыми глазами. «Что замер? Дай ей зелье, пора уже», – раздался за спиной мягкий голос Тимофея. Паша оглянулся по сторонам, на столике перед креслом стояла бутылка из-под коньяка, наполненная мутноватой зеленой жидкостью. Он отвинтил пробку, понюхал, настой пах свежескошенной травой, поднес бутылку к губам женщины и влил ей в рот несколько капель. Она задышала чаще, взгляд стал осмысленным, через минуту она улыбнулась и произнесла до боли родным голосом: «Привет, нам дали план!» «Какой план?» – прохрипел он в ответ. «Ты что забыл? План по поиску золота Колчака». Паша, конечно, знал легенду о потерянном на Урале еще во времена Гражданской войны обозе с золотом. Одно время, она даже очень занимала его воображение. Но сейчас, после разговоров с котами, собаками и лягушками он начинал медленно осознавать, что его родная реальность утеряна, и может быть безвозвратно. Что, в лучшем случае, это какой-то затянувшийся сон, вызванный галлюциногенными грибами, а в худшем – полная утрата разума. Что с этим делать он не знал. «А где мама?» – спросил он, хватаясь за последнюю ниточку, связывающую его с миром. Женщина – жена посмотрела на него с удивлением и произнесла, как всегда, говорила Ольга, немного насмешливым тоном:

– Ну, ты даешь, в Индеонаполисе, конечно!

– Где? – прошептал Паша.

– Да в Индеонаполисе же, на конгрессе агрономов, вчера ее проводили!

– На каком конгрессе? У нее десять классов образования!

– Она доктор биологических наук! Ты что, разыгрываешь меня?

Женщина пристально посмотрела на Пашу и спросила:

– У тебя все в порядке? Почему ты в таком виде?

– В каком?

– Ну, не бритый. И штаны эти странные ты, где взял?

Паша посмотрел на свои шорты, на прошлой неделе Киссон купила их для него в интернет – магазине. Реальность была полностью утрачена. Что теперь делать он не знал. Опустившись на стоявшую рядом тумбочку, он тупо уставился в пространство. И тут щелкнул дверной замок. Бенья, валявшаяся на диване и рассматривавшая картинки в модном журнале, ринулась в прихожую, туда же устремился и Тимофей. Паша видел со своего места, как входная дверь открылась, и на пороге возник он сам. Звери замерли, а тот второй громко и весело сказал: «Я не понял, мне здесь не рады?» Собака завизжала страшным голосом: «Киссон! Сюда! Быстреей!». Кот философски протянул: «Да уж...». Вторая (или первая?), Ольга выскочила в коридор и тоже оторопела. Впрочем, оторопь взяла всех. У Паши по коже пробежали мурашки, и он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Тут же вспомнилась примета, о том, что видеть двойника, это к смерти. И он уже реально прощался с жизнью. Первая пришла в себя Бенья. «Ну, два хозяина, это уже чересчур!» – изрекла она. Но никто не обратил на нее внимания. Люди подошли к Павлу, который так и сидел, не шевелясь в своем углу. Ольга начала громко и убедительно говорить, видимо, успокаивая сама себя: «Так. Ничего не надо бояться, со всеми можно договориться, мы сейчас все решим!» Мужчины смотрели друг на друга, молча. Вдруг

второй Павел улыбнулся и спросил: «Брат, ты кто?». Пашка затрясся, из глаз его покатились слезы, и он начал сбивчиво рассказывать про грибы, про лягушку и закончил, тем, что раз он встретил двойника, то должен умереть. Второй Павел посмотрел на него и спокойно сказал: «И... все мы там будем, но не в одно время. Давайте-ка лучше поедим». Ольга накрыла на стол. Еда была самая обыкновенная, приготовленная «на скорую руку»: яичница, колбаса, салат из помидоров, чай с печеньем. Необыкновенно было только то, что собака и кот сидели за столом на высоких стульях и ели свой специальный корм. Иногда Бенья воровато оглядываясь, хватала кусок колбасы и быстро проглатывала его. Глядя на это, кот произнес: «Любезные, можно и мне кусочек колбаски, а то я не дотягиваюсь?» Паша положил перед ним кусок, а Ольга сказала, что колбаса для животных вредна, как и для людей. Но, видимо, это была заученная фраза. Сейчас люди думали совсем о другом. После ужина глаза у Пашки смыкались, его положили на диван, вызвав недовольство Бени, которая забрав свой журнал, демонстративно растянулась на коврике в коридоре, показывая всем своим видом, какая у нее собачья жизнь. Кот же предложил провести сеанс терапевтического мурчания и пел Пашке песни, пока тот не заснул. Засыпая, Паша загадал, что, когда он проснется, все будет по-прежнему, собаки не будут ходить в тапочках и разговаривать, Киссон будет с короткой стрижкой, и никакого второго Павла он и не вспомнит.

Хозяева же совещались на кухне. Они сошлись во мнении, что их гость, скорее всего из параллельного мира. Оба они слышали про параллельные миры, и даже что-то такое проходили в школе. Иногда до них доносились слухи о каких-то пришельцах, но они не очень-то этим интересовались. Все это было из области физики, а они историки-археологи, и что теперь с этим делать непонятно. К тому же сегодня Ольга получила от Высших разрешение на разработку операции по поиску пропавшего золота Колчака. Это была их давняя мечта. О пропавшем обозе Ольга узнала из одной старинной книги, которая попала ей еще в институте, и вот уже несколько десятков лет они с Павлом по крупицам собирали материал, хлопотали перед Советом Высших о разрешении начать изыскания. И вот сегодня, во время медитации ей скинули план, в соответствии с которым, они должны были немедленно начать работать «в поле», то есть в уральской тайге. В плане говорилось о том, что помимо золота, в обозе находились ценные артефакты, которые и должны были стать целью их работы, но ничего конкретного Высшие не сказали. Сбывалась их мечта, а тут этот двойник-пришелец! Павел предложил сдать его Высшим, и пусть бы разбирались. Но осторожная Ольга предполагала, что все не так просто. «Если он попал сюда, именно, в это время, значит, он очень сильно связан с нашей судьбой. И кто знает, не навредим ли мы себе и ему, сдав его», – говорила она. Оба понимали, что, если серьезно изучать теорию параллельных миров, то должен быть портал, через который их гость несанкционированно проник. Возможно, портал он сам, и поев галлюциногенных грибочков, он так забурился в свои «чертоги разума», что не смог вернуться и каким-то образом преодолел границу. Ольга подумывала дать ему немного препарата, который они использовали для быстрого выхода из медитативного состояния, и в просторечии именовали зельем. Но все-таки решила не рисковать, нельзя было предугадать реакцию неподготовленного организма. Возможно, что есть физический портал, тогда надо искать его, в районе их дачи, потому что, судя по всему, она и его дача тоже, но в другом измерении. Но тогда, как он добрался до города? Он говорит на каком-то автомобиле, но может быть, ему показалось? Скорее всего, оказавшись в этом мире, он, как и все телепортировался, тем более, никаких странных предметов во дворе дома не наблюдается. К полуночи они решили, что с утра начнут выполнять план Высших, но сначала побывают на даче вместе с Пашкой. Встал вопрос, брать ли с собой животных? Решили, что Бенью возьмут обязательно, чтобы она почувствовала прелесть комфорта городской жизни, когда вернется из тайги, а кота решили оставить дома, все-таки возраст.

Открыв глаза, Паша увидел потолок, который видел уже лет пятнадцать. Почувствовал свой диван, все вмятины на котором были сделаны его телом. Из кухни доносился запах кофе, который варила жена. «Какой странный сон», – подумал он, улыбаясь. Потянулся за пультом от телевизора, и вдруг понял, что телевизора в комнате нет. Холодок побежал у него по спине. В комнату вошел тот, другой. «Я не шизофреник, не шизофреник!» – кричал про себя Пашка, но второй стоял и улыбался ему. Собака (снова в тапках и на задних лапах) поклонилась обоим, как артистка на сцене и, оскалив зубы, заявила: «Сегодня почистила клыки специальной косточкой, в тайге будет не до того!» «Молодец!» – отреагировал второй Павел. «Вставай, брат, пойдем кофе пить!» – сказал он, обращаясь к Пашке. Тот встал и с тяжелым сердцем поплелся в ванную. Во время завтрака хозяева рассказали план действий. Сейчас они все вместе телепортируются на дачу, и попытаются найти объяснение сложившейся ситуации. Это вселяло некоторую надежду.

Когда с едой было покончено, Ольга и второй Павел облачились в костюмы из крепкой, видимо, непромокаемой ткани, ботинки с высокими голенищами и маски-накомарники. В коридоре уже стояли приготовленные рюкзаки, которые они взвалили на плечи. Попрощавшись с Тимофеем и дав ему последние наставления насчет еды, трое людей и собака вышли в подъезд со всякими предосторожностями. Как понял Паша, хозяева были крайне не заинтересованы, чтобы соседи увидели двойников. Стоя на крыльце, Павел второй крепко обхватил Пашку, а собака обняла лапами хозяйку за талию, проворчав при этом, что на собственных лапах было бы лучше. Пашка почувствовал легкое покалывание в ступнях, на несколько мгновений в глазах стало темно, но тут же день снова заиграл красками, а они оказались на даче. Бенья начала неистово носиться по огороду, как она всегда делала по приезду. Пашка огляделся. Все было как всегда. Вот дом, который он построил своими руками, вот баня, вот пруд, выкопанный им лично. Цветочки, грядки, все в порядке, как и было вчера, даже забытый плед по-прежнему валялся на газоне. Все же ведь, как всегда, но почему здесь эти двое? Павел второй предложил сходить в лес, по вчерашнему Пашкиному маршруту, может быть, там найдется портал, который привел его сюда. Втроем идти было неловко, вдруг соседи начнут задавать вопросы, поэтому к лесу Пашка направился в компании Ольги и Бени. Но как только они миновали поселок, и вышли к озеру, воздух перед ними, как будто загустел, никто не смог сделать ни шага. Собака усердно двигала лапами, всеми четырьмя, на этот раз, но у нее получался лишь бег на месте. В удрученном настроении все вернулись на участок, хуже всего чувствовал себя Пашка. Обсудив ситуацию, Ольга и Павел решили, что им надо выполнять задание Высших, поэтому нужно двигаться к месту первой стоянки. Пашке они предложили остаться на даче, но он отказался, боясь окончательно лишиться рассудка, хотя в глубине души, он думал, что это уже произошло. Переодевшись в походную одежду, он приготовился к телепортации. Он хотел научиться делать это сам, но оказалось, что без специального прибора это невозможно. Прибор представлял собой небольшой прозрачный планшет, на котором высвечивалась карта. Владелец, определял на ней точку, в которую нужно переместиться, нажимал на кнопку, и, вуаля, оказывался в нужном месте. Принцип действия Пашке объяснять не стали, сказали только, что устройство выдается каждому человеку, начиная с семи лет, но с ограниченным радиусом действия. С возрастом радиус увеличивается, сначала это близлежащий к дому район, затем весь город, потом область, а к совершеннолетию любой человек может спокойно перемещаться по всему миру. У Паши сразу возник миллион вопросов насчет границ, виз и всего мироустройства, но время было дорого, поэтому разделившись на пары, как в прошлый раз, вся компания за минуту перенеслась километров на сто, и оказалась на опушке соснового бора. Место, видимо, было знакомое, и выбрано не случайно. Полянка, где остановилась немногочисленная экспедиция, была солнечной и сухой, в нескольких шагах от нее из-под камня бил родник. Ольга и Павел достали из рюкзаков небольшие металлические трубки и быстро собрали из них каркас для палатки. Паша помог натянуть матерчатые стены и крышу. Павел протянул вокруг

получившегося сооружения какой-то провод и воткнул его в устройство, напоминающее блок зарядки для сотовых телефонов. «Эта штука создает защиту от комаров и прочей живности», – пояснил он. Ольга в это время, достала портативную плитку, похожую на газовую, но открытого огня в ней не было. Еще она вынула из рюкзака небольшой, как показалось Паше, резиновый сверток, развернула его, и в руках у нее оказалась емкость литра на два. Беня сгоняла с ней к роднику и принесла воды. В лесу собака передвигалась исключительно на четырех конечностях, что, по крайней мере, не травмировало остатки Пашиной психики. Импровизированный котелок был поставлен на необычную плитку, и через несколько минут вода в нем закипела. Ольга бросила в воду маленький кубик, и вскоре был готов наваристый суп, со вкусом копченостей. Это совсем не походило на привычную Пашке бомж-лапшу или бульон из кубика, которые в его прошлой жизни считались суррогатами пищи. Суп был вполне полноценным и очень вкусным. Еще к столу были поданы тюбики с гуляшом и гречневой кашей, очень маленькие по объему, но очень сытные. «Как у космонавтов», – подумал Пашка. В емкости поменьше, вскипятили и заварили чай. Посуда из которой ели и пили, была из того же материала, что и котелок и на ощупь напоминала не резину, а тонкий металл или фольгу. После обеда ее прокипятили, свернули и убрали в рюкзак, весил весь набор не более двухсот граммов, что безмерно восхитило Пашу.

За обедом новоявленного члена экспедиции ввели в курс дела. Ольга рассказала о том, как учась в институте, она писала курсовую работу о боях Гражданской войны на Южном Урале. Изучая мемуары одного из участников белого движения, она наткнулась на информацию, что во время отступления армии Колчака, в районе города Кыштым пропал обоз, груженный золотом, которое было предназначено для оплаты оружейных поставок. Ольгу чрезвычайно заинтересовал этот факт, потому что она была родом из этих мест. Она начала расспрашивать местных старожилов, тогда еще были живы и в твердой памяти дети участников тех событий. Позже они, уже вместе с Павлом, провели немало часов в архивах и были уверены, что следы обоза нужно начинать искать в районе разрушенного динамитного завода, где они собственно, сейчас и находятся. Пашка уже давно понял это, ведь здесь он бывал неоднократно. И легенду о золоте он слышал, но не то что следов обоза, но даже развалин завода они с Киссоном так и не нашли. Однако было интересно, что история этого мира, совпадает с известной ему историей, о чем он и сказал новым товарищам.

– А кто у вас победил в Гражданской войне? – спросил он.

– Красные, – ответила Ольга.

– А что было потом?

– Разруха, коллективизация, индустриализация. Потом была Великая Отечественная война.

– Мы победили?

– Да. Ценой больших жертв и великих подвигов.

– Все правильно, все как у нас. А потом перестройка? Да?

– Что такое перестройка?

– Ну, когда Советский Союз рухнул.

– Ничего он не рухнул. Мы сейчас живем в Советском Союзе, он входит в Организацию объединенных наций, там все страны Земли состоят. Все народы сохраняют свои языки, традиции, культуру, но все вместе решают технологические задачи. Правит всем Совет Высших.

– Мировое Правительство, значит? Рокфеллеры, Ротшильды и иже с ними.

– Да нет. Туда избираются достойные. Ученые или герои, космонавты там много, они ведь все герои. Ну, есть писатели, художники, артисты.

– Ага, кухарки правят государством, то есть даже целой планетой. Ну откуда космонавты знают, как дом построить или дорогу проложить?

– Для этого специально обученные люди существуют. А все алгоритмы строительства разрабатываются компьютерами, и ими же контролируется соблюдение норм и правил, и не только в строительстве, в любой отрасли промышленности и в сельском хозяйстве.

– Каким образом?

– Там где возможно производятся замеры и пробы, весь технологический процесс контролируется видеокамерами.

– Понятно, мы тоже сейчас к этому подходим. Только у нас, если начнут контролировать всерьез, вся экономика рухнет.

– Почему? – осведомился Павел.

– Воруют. Да и как в том анекдоте, то ведер не хватает, то дерьма не завезли.

Увидев озадаченные лица своих спутников, Пашка рассказал анекдот, который ему очень нравился.

– Умерли русский и американец. Апостол Петр посмотрел на них и говорит: «Грешили вы много, отправляетесь в ад. Но можете выбрать в какой ад пойдете, в американский или в русский». «А чем они отличаются?» – спрашивает американец. «Ну, в американском аду каждый день надо съесть ведро дерьма с утра, а в русском его придется жрать три раза в день». Американец, конечно, в свой ад попросился. А русский подумал, что к дерьму он привычный, и пошел соответственно в русский. Через несколько лет встречаются, спрашивают друг друга, как дела. Американец говорит: «Хорошо, с утра съел ведро дерьма и свободен. А у вас как?» «А у нас, то ведер не хватает, то дерьма не завезут», – отвечает русский.

Судя по лицам слушателей, они так ничего и не поняли. «Совсем у ребят с юмором плохо», – подумал Паша – и спросил:

– А что у вас после войны было?

– Сначала политики хотели устроить новый передел мира, может новую войну начать, но народы так настрадались, что объединились под предводительством Ганди и начали строить новый мир.

– Так Ганди убили году в пятидесятом.

– Нет. Он только недавно ушел от нас.

– А куда же делись Сталин, Черчилль, Трумен?

– Ушли к старцам.

– Куда?

– Ну, кто к буддистским монахам, кто к шаманам, Сталин вроде на Новый Афон подался.

Тут Павел сказал, что солнце еще высоко, и надо бы поработать, чтобы хотя бы наметить на завтра план действий. Вопрос о том, как они собираются искать обоз, тоже чрезвычайно интересовал Пашу. Но пока они занялись изучением копии старинной карты и ориентировкой на местности. Вскоре они определили предположительное направление дороги, по которой сто лет назад двигался Колчаковский обоз. Пройдя по нему несколько километров, искатели не обнаружили ничего интересного, кроме того, что лес здесь был менее густой. Свернув немного в сторону, они увидели развалины динамитного завода. Это были еще крепкие стены из красного кирпича, кроме того, рядом были какие-то подземные ходы, небольшой водоем, видимо искусственный, а чуть подальше родник с солоноватой водой. Пейзаж впечатлял. Вот здесь и предстояло им работать. Вечерело. Компания решила вернуться в лагерь. Молчавшая, должно быть от обилия впечатлений, весь день собака начала ныть, что у нее болят лапы, что она хочет, есть и пить. Павел даже прикрикнул на нее: «Ты же хаски, должна быть выносливой и терпеливой, а ты еще дня в лесу не провела, а уже скулишь!» На что Бенья парировала: «Чтобы развить у собаки выносливость, надо гулять с ней не менее двух часов, а вы полчаса за весь день на меня тратите!». «Могла бы самостоятельно фитнесом заняться», – проворчала Ольга. «Еще чего!» – незамедлительно откликнулась Бенья. Ужин приготовили также быстро, как и обед. Пашке не хватало привычного костерка, запаха дыма, но ему объяснили, что жечь огонь

в лесу нельзя ни при каких обстоятельствах. Оказалось, что в этом мире вход в дикий лес связан с огромными организационными сложностями. Собственно, идея с поисками золота Колчака вынашивалась Павлом и Ольгой почти двадцать лет и не осуществлялась, потому что не было разрешения от Совета Высших. А теперь вдруг внезапно перед ними поставили задачу, провести экспедицию в кратчайшие сроки. Все оборудование, начиная от плитки, заканчивая лопатой должно быть, сертифицировано, маршрут, и места стоянок согласованы и утверждены. «Теперь понятно, почему у них такая чистота», – сообразил Пашка. В его нормальной жизни он часто бывал в лесах и полях, и его всегда убивали помойки, созданные человеком в самых, казалось бы, отдаленных и красивых местах. Вот спрашивается, зачем тащить старый телевизор или съеденные молью валенки вглубь тайги по лесным, почти непроходимым дорогам? Но ведь тащат. А пластиковые бутылки, пакеты и прочий мусор, оставленный после попок! Он никогда не мог ни понять, ни принять этого. Одно время, он с друзьями каждую весну и осень выходил чистить берег озера от мусора, оставленного дикими туристами, но результат был практически нулевой. Еще из разговора Паша понял, что он является несанкционированным участником экспедиции и это большое нарушение. «Слушайте, здесь глухая тайга, кто нас здесь вычислит?! – сказал Пашка. Ольга с Павлом переглянулись. «Понимаешь, у нас никто ничего не вычисляет, мы просто живем в едином информационном поле», – ответила Ольга. «Вы что чипированные, что ли? За вами следят?» – озаботился Пашка. «Нет, просто, когда мы что-то скрываем или, тем более обманываем кого-то, то испытываем колоссальный дискомфорт», – сказал Павел. «Вы что, все святые?» – изумился Паша. «Нет, конечно, мы люди, и мы часто оступаемся, но потом раскаиваемся», – объяснила Ольга. «И что вам за это бывает?» – осведомился Пашка. «Меру окончательной расплаты каждый выбирает для себя», – ответил Павел, – «некоторые уходят к старцам (там за свою жизнь почти все бывают), кто-то едет в опасную экспедицию или летит в космос, потом возвращаются или не возвращаются героями. «А если я не раскаялся?» – поинтересовался Пашка. «Ты не сможешь жить нормальной жизнью», – ответила Ольга. «Я смогу!» – подумал про себя Пашка, а вслух спросил – а за меня вы, какую себе меру ответственности назначите?». «Не знаю», – задумчиво сказал Павел, – «Ведь ты – это я, значит, формально мы ничего не нарушаем, только я должен нести повышенную ответственность и за себя, и за тебя». Вскоре все пошли спать. В палатке разместились три удобных гамака. Бенья сквозь сон возмущалась, что вынуждена спать на голой земле, но тут же отключилась и захрапела. Раздеваясь, Пашка нащупал свой телефон, про который он даже не вспомнил с начала своих приключений, попытался включить его, но сигнала не было. Он залез в гамак, представил, как мечется Киссон, разыскивая его по больницам и моргам, и из глаз его снова потекли слезы. Потом усталость взяла свое, и этот длинный день его жизни закончился.

Шла уже вторая неделя пребывания Паши в параллельной реальности. Сначала он ходил вместе со всеми на раскопки, но за все время они нашли только деревянную пуговицу, какие-то керамические осколки, видимо от химической посуды и ржавый железный штык. Потом ему надоело рыться в земле, тем более он был уверен, что никакого золота или даже каких-то следов обоза на заводе нет. Он прекрасно помнил из прошлой жизни всю изрытую кладочисателями Голую сопку, да и не думал он, что во время Гражданской войны кто-то зарыл золото в землю. Если оно и было, то его спрятали в какой-нибудь пещере или другом укромном месте. А здесь во время движения обоза было вполне себе действующее предприятие. Кто бы оставил тут золото? Но сомнений своих он не высказывал, это была не его война. «Ну найдут они золото или не найдут, все равно скоро придется выходить из леса, скоро снег ляжет. А тогда что будет со мной? Отдадут меня на опыты. А если не отдадут, адаптироваться в их мире я не смогу», – печально думал он. К тому же очень хотелось курить и простой человеческой пищи тоже хотелось. Он стал часто уходить на вершину горы Сугомак, пытаясь найти выход из западни, в которую он зачем-то попал. Иногда за ним увязывалась Бенья, тогда у него было ощущение, что он общается с пятилетним ребенком. Собака бегала по кустам и почти непре-

рывно сообщала: «Там еж, тут уж, брошенное гнездо...». Однажды на привале она разлеглась возле Пашкиных ног и сказала:

– Слышь, Паха, а не забить ли нам какую-нибудь дичь? Я вот никогда не ела натурального мяса, а тут такие запахи... Ну, прям очень хочется попробовать. Давай, я выслежу кого-нибудь, а ты забьешь.

– Как это не ела? Ну, здесь, понятно, мы все консервами питаемся, а дома кто колбасу тырил?

– Подумаешь, колбасу, она же синтетическая, только добавки всякие делают ее вкусной. А я хочу мясо с кровью попробовать, такого ни одна из моих знакомых собак не ела, да и из людей тоже.

Неожиданно Пашке эта идея понравилась, во-первых, в юности он был довольно удачливым охотником, во-вторых, ему уже надоело бесцельное шатание по лесам, а в-третьих, он тоже хотел полакомиться свежей дичью. Не откладывая в долгий ящик, он принялся за дело. Нашел крепкий ивовый сук, сломал несколько более – менее прямых отростков, чтобы сделать стрелы, принес это все в лагерь. Пользуясь складным ножом из набора инструментов, начал мастерить себе лук. Инструменты у кладоискателей, все были складными, но прочными и легкими. Нож строгал древесину, как лазерный станок. В качестве тетивы, Паша натянул капроновую веревку, которой Ольга огораживала очередные квадраты раскопок, а вот с наконечниками для стрел возникла проблема. Если бы дело происходило в привычной реальности, найти материал для их изготовления, было бы парой пустяков. Все, даже самые дикие места, изобиловали консервными и пивными банками и разным прочим металлоломом, а здесь все было абсолютно чисто. Но Пашка был не из тех, кто отступает перед незначительными трудностями. У подножия скалы, где осыпалась порода, он выбрал несколько острых камушков, поточил их еще, о шероховатую поверхность большого валуна, и прикрутил к стрелам проволокой, которая случайно осталась в кармане его брюк после каких-то садовых работ. Потом подумал, снял штаны, вытащил из них довольно широкую резинку и подвязался остатками веревки. В карман положил еще несколько мелких камушков, сходил к ивняку, выломал подходящую ветку, сделал из нее рогатку, и вооруженный таким образом, свистнул собаку. Бенья уже была готова к бою. На этот раз она вела себя тихо, сосредоточенно нюхала воздух и бежала легкой рысцой в сторону каменной гряды. Паша шел за ней быстрым шагом. В какой-то момент собака замерла и подняла правую переднюю лапу, Паша понял сигнал. Всмотревшись в полыхающие алыми ягодами кусты рябины, он увидел несколько косуль, почти сливавшихся по цвету со скалой. Он медленно достал из-за пояса стрелу, прицелился, и отпустил тетиву. В этот момент какая-то тень закрыла ему обзор. Подняв глаза, он с изумлением увидел перед собой женщину огромного роста, с лицом американской Статуи Свободы. Прикид, конечно, был по – богаче, зеленое платье с отливом, а на голове корона из переливающихся разноцветных камней. Она подняла руку, и стрела зависла в воздухе. Зло, посмотрев на Пашу, она разломила стрелу на две части, и медленно растворилась, как будто влилась в каменную гряду. На ближайшем валуне в это время застыла большая зеленовато-серая ящерица с золотой полоской на спине. Человек и собака не могли пошевелиться несколько минут, а когда паралич прошел, они бросились бежать, подгоняемые чувством безмерного ужаса. Пробежав несколько километров, они остановились, пытаясь отдышаться. «Фу, я обоссалась!» – сообщила Бенья. Паша уже открыл рот, чтобы сказать: «Я тоже». Но вовремя вспомнил, что разговаривает с собакой и промолчал. В лагерь они вернулись уже глубокой ночью. Их товарищи были очень обеспокоены, но скорее отсутствием собаки, чем Паши. Наверное, если бы он пропал, у всех было бы меньше проблем. Когда они увидели лук, который Пашка не догадался выбросить по дороге, Ольга слегка побледнела и тихо спросила:

– Вы что, кого-то убили?

– Нет, – буркнул в ответ Паша, – только хотели.

– Зачем? Вы знаете, что нас за это могут лишить лицензии навсегда? – всполошился Павел.

– Вы что голодаете? Особенно ты, Бенья, – поинтересовалась Ольга.

Собака незамедлительно скроила рожу из серии «врагу не сдастся наш гордый варяг», встала на задние лапы и заявила: «У меня, между прочим, охотничьи инстинкты!». Потом патетически прикрыла лапой глаза и взвыла: «Ну, убейте меня за это!» Развернулась и удалилась в палатку, не забыв прихватить миску с оставленным для нее кормом.

Паша, поедая надоевшие консервы, тихо рассказывал, как было дело. «Ведь это была сама Хозяйка», – закончил он. Слушатели не поняли про что он, и Паша рассказал про старинные уральские легенды, записанные Павлом Бажовым, которые он знал с детства. И про Хозяйку Медной горы, и про Голубую змейку, и про Серебряное копытце. Про себя он подумал, что его Киссон часто говорила, что, несмотря на солидный возраст, все время мечтает встретить в лесу кого-нибудь из этих персонажей. «Вот я встретил, а лучше бы не встречал», – подумал Пашка. Его рассказ особых эмоций не вызвал, и вскоре все пошло спать. «Чурбаны деревянные, ничто их не трогает», – скрипел зубами Паша, засыпая. В лицо ему ткнулся влажный собачий нос. Похоже, единственное близкое ему тут существо – это Бенья. В собаке этой было больше жизни и чувств, чем в людях, которые были копиями или воплощениями его самого и его любимой женщины. Они вроде бы и вели себя правильно, и часто высказывали мысли, которые Паша считал своими, но не было в них эмоциональности, так необходимой ему. Он вспомнил свои лихие ссоры с Киссоном, а иногда и с мамой, и с сестрой. Они были безобразны, но потом были примирения, которые приносили спокойствие и ощущение полноты жизни. А тут даже поругаться было не с кем.

Проснулся Пашка в отвратительном настроении. Все тело ломило, отсутствие жизненных перспектив угнетало, к тому же вся группа была в сборе и ждала его пробуждения, чтобы сообщить ему, что отныне их с Беньей одних оставлять не будут. После завтрака все направились на динамитный завод. Стояла середина сентября и погода могла вот-вот испортиться, поэтому раскопки нужно было заканчивать, а результатов не было никаких. Паше вручили раскладную лопату, и дали задание расчистить один из входов в подземелье. Но в нем, как назло, проснулась его природная вредность, и он начал хамить Ольге, что называется на пустом месте. Он очень хорошо знал словечки и интонации, которые буквально выбешивали его жену в той, другой реальности, и тут он тоже рассчитывал на соответствующий эмоциональный взрыв. Но Ольга никак не реагировала на все его подколы, и он даже не чувствовал, что она прикладывает какие-то усилия, чтобы сдержаться.

– Зря стараешься, – сказала Бенья, – у нее поглотитель вибраций в мозгах стоит. Ты думаешь, почему меня Беньей зовут? Книжка есть, какая – то, так там, была школа сверхлюдей, БенеГессерите называлась, люди эти были крутыми манипуляторами, потому что были экстрасенсы.

– Не носи чушь, – отчитала собаку Ольга, – книга та, фантастический роман, а у нас технологии, и никакие мы не экстрасенсы. Просто на определенном участке мозга делается небольшая операция, и мы перестаем чувствовать вибрации, исходящие от нашего оппонента в ссоре. Это не значит, что мы не испытываем отрицательных эмоций, мы просто имеем возможность их не усугублять. Операция делается только во взрослом возрасте и по желанию. А у тебя, Бенья, тоже в голове стоит преобразователь сигналов мозга в человеческую речь. Вот поставили тебе сдуру, теперь у тебя неконтролируемый словесный понос.

– А зачем она на задних лапах иногда ходит? – поинтересовался Паша.

– Нам подражает, зоопсихологи против этого. Но мы с Павлом считаем, что, если возможен культурный обмен между разными этносами, то почему ему не быть между разными видами?

– Так, у вас собаки в Верховном Совете скоро будут заседать, – заметил Паша.

– А почему нет? Сейчас большинство взрослых собак и кошек находятся на уровне развития тинейджеров в двадцатом веке. Но если их обучать и развивать, они станут полноправными членами общества. Вот наш Тимофей очень разумный, мне всегда есть о чем с ним поговорить. Вроде бы сейчас какие-то программы разрабатываются по интеграции животных в социум.

– Жаба на участке тоже с встроенными мозгами? – поинтересовался Паша.

– Во-первых, не жаба, а лягушка травяная. Во-вторых, да, у нее тоже есть преобразователь, для того чтобы она могла нам сигнализировать о неполадках на участке. Мы люди занятые, не все можем сами отследить.

– А вы не боитесь жить с этими технологиями? Там, откуда я пришел, они сейчас тоже бурно развиваются, и большинство людей, очень опасается, и детей из пробирки и выращенных органов.

– Детей из пробирки? Это как?

– Ну, берут сперматозоиды, подсаживают к яйцеклетке и эмбрион готов, еще ладно, когда мать сама вынашивает плод, иногда нанимают суррогатную родительницу. Или вот у нас теперь уже многие органы выращивают, и операции по пересадке проводят. Но все это больших денег стоит, не у многих они есть. Страшно, когда твоему близкому человеку грозит смерть, и теоретически его можно спасти, но у тебя нет денег.

– Дикость какая! – отреагировала Ольга. – У нас тоже давно уже научились заменять все жизненно важные органы, поэтому мы жить можем очень долго, и в нормальном состоянии. У нас, если и бывают смерти в молодом возрасте, это или в космосе, или в океане, где нет медицинских баз. А так, у нас люди уходят, когда считают, что в этой жизни они уже все видели, все сделали, и им интересно, что там дальше.

– И многим это интересно? Не понимаю, если можно жить вечно, то зачем умирать, страшно же?

– Знаешь, если бы мне сказали, что я никогда не умру, я бы расстроилась. К смерти мы относимся как к величайшему приключению, как к путешествию в неизведанное. Ну, и как к подведению итогов.

– А как же у вас с перенаселением планеты. Когда я сюда попал, увидел очень много детей. Значит, если вы все живете долго, и имеете много детей, у вас должен возникнуть дефицит ресурсов.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, нефть, газ, пища, вода, наконец.

– От использования нефти и газа, мы отказались сразу после войны. Развивали атомную энергетику для промышленности, и альтернативные источники для бытовых нужд. Проблему голода решили с помощью генномодифицированных продуктов, водные источники стараемся не загрязнять, используем разные технологии очистки и опреснения. К тому же детей у нас не так много. Рожают только те, кто предназначен, именно для этого, те, кто себя без детей не мыслят. Это очень уважаемые люди, они в детей всю душу вкладывают, и почти все время. А вот то, что у вас, как ты говоришь, детей выводят искусственным путем, это очень-очень странно. Я тебе уже рассказывала про единое информационное поле, в котором мы живем, в него входят и наши ушедшие предки. Они помогают нам жить, поддерживают энергетически. Думаю, в вашем мире также, только вы об этом не знаете. И как будут предки поддерживать человека, мать которого ничего не испытывала к его отцу, даже не знала его. И как предки суррогатной матери отнесутся к выношенному ей, по сути, чужому ребенку. Все это мне кажется неправильным, но кто я, чтобы судить?

– Слушай, вы такие правильные, аж противно. Вы что, никогда не ругаетесь, не воюете, не изменяете друг другу? Ну, как так жить? Не согрешишь, не покаешься, как говорится.

– Да каемся мы, еще как, я ж тебе говорила. И все у нас бывает, просто, зачем лишний раз попадать в тяжелую ситуацию, если можно ее избежать.

– Не верю я. Все-таки человек, он склонен доказывать свое превосходство, рисковать, властвовать. Только сдается мне, что как только у кого-нибудь из вас начинается что-то подобное, вам в мозгах чем-нибудь щелкнут, и вы снова становитесь чинными, благородными и никакими.

– Думай, как хочешь, – отозвалась Ольга. – Но если человек нуждается в риске, он летит в космос, проявит себя там, потом попадет в Совет Высших, вот тебе и власть, только не всем это надо. Вот нам с Павлом вполне нравится наша жизнь. Ладно, давай работать! Мы вчера тут кладовку откопали, там древние реактивы и инструкции по их применению. Надо их все в лагерь перенести.

– Какое это имеет отношение к золоту Колчака? Да никакого. – сказал Пашка. – Занимаетесь ерундой, а скоро уж морозы вдарят.

– Что ты предлагаешь?

– Ничего, таскайте сами. У вас вон телепортация настроена.

Он резко развернулся и пошел в горы. Собака, было, ринулась за ним, но одернутая резким окриком хозяйки, поплелась к месту раскопок.

После вчерашней встречи идти Паше было боязно. Но он имел кое-какой опыт общения с потусторонними силами в прошлой жизни. Вернувшись, домой после армии, он неожиданно стал видеть призраки умерших людей. Сначала это чрезвычайно пугало его, но и давало ощущение собственной исключительности. Как правило, эти «гости» ничего существенного не говорили и не делали. Постепенно Паша привык к их возможному присутствию. Когда он познакомился со своей будущей женой, он долго не решался рассказать ей о своих видениях, боялся, что она будет считать его сумасшедшим. Со временем Ольга стала чувствовать их, через него. Когда «гости» появлялись, внимание Паши становилось рассеянным, по телу пробегала дрожь и близкий человек, конечно, это видел. В конце концов, ему пришлось рассказать ей о своей проблеме. К его удивлению, Киссон восприняла это, если не спокойно, то уж во всяком случае, без паники. Со временем они все меньше и меньше говорили об этом, а «гости» все реже и реже являлись. Но благодаря этому жена его стала интересоваться эзотерикой, без фанатизма, часто посмеиваясь над собой, но всегда признавая факт существования чего-то неведомого. Теперь, идя по лесной дороге, неизвестно куда, Паша думал, что его теперешнее положение, возможно, было предопределено, но что делать, он по-прежнему не знал. «Наверное, надо остаться в лесу, но скоро зима, а у меня ни одежды, ни запасов, ни ружья. Кроме того, тут ружьем-то и не воспользуешься, вон нежити всякой полно. Хоть ложись да помирай. Может оно и лучше! А может, я уже того... умер», – думал он. Лагерь остался далеко позади, Пашка поднимался все выше в горы. Наконец он остановился у скалы на какой-то неизвестной вершине, посмотрел вокруг. Под ним на многие километры полыхали осенним золотом леса, большие и маленькие озера отражали голубое небо, по берегам были разбросаны города, с домиками, как из детского конструктора. Все это было до боли родным, впитанным с молоком матери, тем, что он любил, ради чего жил, может быть, не сознавая этого. «Нет, пока я это все вижу, я живу. Мне нужно что-то понять, ведь я здесь не просто так», – говорил он себе, спускаясь с вершины. «Павел и Ольга – ведь это клон моей жизни, такой, какой она могла бы быть. Счастливы ли они? Они благополучны, это да. Занимаются любимым делом и спокойны, очень спокойны. Любят ли они друг друга? И потом эти операции на мозгах, они вообще люди? Может киборги какие-то вместе с собакой и котом. Хотел бы я так жить? Наверное, хотя не знаю. Что я видел в своей жизни? Много и тяжело работал, всегда хотел быть первым. Не всегда получалось. Но все же построил своими руками дом, разбил сад, по миру поездил. Только всегда передо мной были какие-то препятствия, враги, обстоятельства, которые мешали наслаждаться жизнью в полной мере. Может быть, я всегда сам себя ограни-

чивал, не позволял себе радоваться, наказывал себя за что-то. Вопрос, за что?» Он присел на поваленное дерево, стал вспоминать всю свою жизнь с самого детства. Вот отец, жесткий, не терпящий возражений, выбросивший в порыве гнева, с третьего этажа, его любимого щенка Тимку. Он до сих пор помнит глаза умирающего животного. Разве можно это забыть и простить? А побои? Доставалось и ему, и матери, только маленькую сестренку отец не трогал. А ночь, когда они бежали из дома, и потом долго скитались по чужим углам, жили в нетопленных халупах, спасали от крыс картошку – свою единственную еду. В тринадцать лет он начал торговать паленой водкой, были девяностые, пришлось научиться договариваться и с бандитами, и с милицией. В школу ходил редко, да и школа была такая, где военрук преподавал заодно и немецкий. Ушел в армию. Кавказ. Стрелял, возможно, кого-то убил, возможно, убил многих, кто знает? Пуля, она, как известно, дура. Вернулся. Пил запойно. Работал, где придется, тащил, что плохо лежит. Однажды встретил ее, Ольгу, девушку из другой жизни. Да и не девушку, ему – двадцать четыре, ей – тридцать шесть. И у нее уютный дом, и собака, и бабушка, все то, чего у него никогда не было. Он полюбил ее всем сердцем, а она не хотела верить. Думала он альфонс или идиот, или что она там еще думала... Ради нее он собрал все свои интеллектуальные силы и поступил в институт, ради нее он бросил пить и купил себе красивую одежду. И вот, когда у нее случились крутые неприятности, когда от нее отвернулись друзья и ей не на что было жить, он возник на пороге с мешком картошки (потому что ничего другого у него на тот момент не было) и бодро сказал: «Ничего, пробьемся!». И тут она поверила, должно быть от безысходности. И они стали жить вместе, сначала осторожно, присматриваясь, а потом привычно выручая и поддерживая, друг друга. И вот уже много лет они вместе. За эти годы было все. И неоднократные крушения бизнеса, и тяжелая авария, бесконечные ссоры из-за денег, даже измена с его стороны была. Но как-то все пережили, и вот теперь, когда все более или менее наладилось, он оказался здесь. Страшно даже подумать, что чувствует сейчас Киссон, она всегда говорила, что самое ужасное в жизни – неизвестность и неопределенность, и вот теперь он неизвестно где, и непонятно сможет ли когда-нибудь вернуться. Киссон... Он шутил, что она киса мужского рода, потому что умела принимать жесткие решения, и его заставляла не расслабляться ни во время относительного спокойствия, и тем более, в пору неудач. «Не верь, не бойся, не проси!» – было ее жизненным девизом, и она только недавно узнала, что это закон зоны. Но вся их страна всегда была зоной, еще до их рождения. Недаром Россия живет поговоркой: «От тюрьмы да от сумы не зарекайся». А они были русскими. Русскими до мозга костей, хотя в его жилах текла и татарская, и еврейская кровь. Но Родина, Урал, кусок земли, который они своими руками превратили в цветущий сад, было тем единственным, ради чего стоило жить. Детей у них не было, и теперь он точно об этом не жалел. Он не знал, что бы мог им дать в этом мире, не просто жестоком, но в последние годы, лишенном элементарной логики самосохранения. Как бы он их защитил от педофилов, вирусов, наркотиков, телевизора и интернета? Да никак. Так что единственными источниками его безусловной любви были Киссон и мама. Мама... Наверное, она старается не думать о плохом сейчас, отвлекается на всякие мелочи. В юности он очень обижался на нее за то, что не смогла найти другого выхода, кроме как побег от отца, за то, что жили в постоянной нищете, за то, что у него не было дней рождения с подарками и друзьями. Но в последние годы они были так близки. Она – единственный человек, который верил во все его «завиральные» идеи с бизнесом, жестко критикуемые Ольгой. Она помогала ему во всем, не только словом, но и руками. Каждую свободную минуту, она посвящала ему, работая и в магазине, и на складах. Что она делает теперь, что думает? Нет, она, в отличие от Киссона, верит во все хорошее, и он не может подвести ее, не может не вернуться. Он снова поглядел на далекий город, в котором жил. Отсюда не было видно несоответствий двух реальностей. Может быть, надо идти в город? Может быть, там пройдет это наваждение? Солнце катилось к горизонту. Очень хотелось есть. Пашка начал собирать позднюю, перезревшую чернику, и вдруг почувствовал чье-то присут-

ствие. Медленно подняв голову, он с облегчением увидел рядом с собой Павла, а то ведь мог быть и медведь, или вовсе нежить какая-нибудь. Двойник присел на бревно, спросил весело: «Питаешься?» Паша не ответил, дожевывая сладкую темно – синюю массу.

– Что думаешь делать? – снова спросил Павел.

– В город пойду.

– А смысл? Думаешь, там что-то изменилось? Без нас пропадешь ведь.

– Так и так пропаду. А ты что предлагаешь?

– Мы еще два дня здесь пробудем. Потом надо возвращаться, прогноз плохой, морозы до минус пяти. За два дня ты можешь до города не добраться, а если доберешься, объяснять заму-чаешься кто ты и что ты. Лучше тебе быть с нами. Вернемся в цивилизацию, будем пытаться тебя легализовать. Может быть, ты и не единичный случай, иногда мы слышим о таких «прыгунах», просто мы никогда этой темой не интересовались, может все не так драматично, как кажется.

– Ну, так давай поинтересуемся, – сказал Паша.

– Как? – отозвался двойник

– По интернету, епти!

– А что такое интернет?

– Компьютерная сеть, в которой полно всякой информации. Через нее люди и общаются, и платежи проводят.

– У нас такого нет. Компьютеры только для сложных вычислений и контроля технологических процессов используются. А информацию мы получаем из книг, газет, радио.

– Так и знал. Счастливые вы люди.

– Почему? Это ведь, наверное, очень удобно и быстро получать информацию таким способом. Положим, общение у нас и так не затруднено, в любой момент можем метнуться куда угодно, а вот быстро добыть знание... Это круто!

– Да, только качество этих знаний надо проверять. Да и не так много людей пользуется именно этой функцией интернета. В большинстве новости читают, и в соцсетях сидят, собачатся друг с другом или хвастаются, кто лучше выглядит, у кого тачка круче или картинки смотрят.

– Зачем? – удивился Павел.

– Вам не понять. У вас же отсутствуют такие черты как тщеславие, корыстность, прекло-нение перед властью.

– Не совсем. Мы же люди, и ничто человеческое нам не чуждо, как говорится. Почти каждый из нас хочет быть первым в своем деле, и иногда соперничество бывает, мягко говоря, нечестным. И власть мы уважаем, а иначе, что она за власть, как она обеспечит закон и поряд-ок? Вот корыстности нет, это правда. Все блага общества доступны каждому. И если есть какие-то новые разработки, улучшающие качество жизни, о них не известно широким массам, до тех пор, пока нельзя будет обеспечить ими буквально каждого желающего. Это так.

– А вот, скажем, ради женщины вы можете пойти на преступление? Ну чтобы доказать ей свою любовь, показать ей, что ты лучший.

– Да какой женщине нужны такие доказательства? Тут один критерий – интересно вам вдвоем или нет. В разных аспектах, конечно.

– А ты с Ольгой как познакомился?

– Она у нас в институте преподавала. Ну, я доклад один интересный подготовил, потом помогал ей материалы разные в архивах искать, потом в одну экспедицию попали, а потом поняли, что друг без друга не можем.

– А ты бабушку ее знал?

– Галину Петровну, а как же! Мировая бабуленция была. Только виноват я перед ней. Когда она ушла, не пришел ее проводить. Время перепутал, понимаешь? Перед Ольгой стыдно было, до сих пор это меня гложет.

На мгновение Пашку осенила какая-то мысль, но он не успел ее додумать и зафиксировать.

– Пойдем в лагерь. Утро вечера мудренее. Вон уже темно сейчас будет, – сказал Павел. Мужчины обнялись, и через несколько секунд уже были у палатки, где их поджидали Ольга и Бенья.

Полужинав, Пашка забрался в теплый гамак, и подумал, что человеку мало надо, сытый желудок, да сон в тепле. Проснулся он посреди ночи, потому что к нему в гамак забралась наглая Бенья, проворчав что-то по поводу собачьего холода и дискомфорта. Заснуть он уже не смог. Он пытался вспомнить, мысль, промелькнувшую у него на вершине, и никак не мог ее сформулировать. И вдруг понял. Павел не пришел на похороны Ольгиной бабушки. Он, Паша, забыл про ее поминки на девятый день. В этом было что-то важное, но он не мог понять что. Потом он неожиданно вспомнил случай со стариком-соседом, который произошел несколько лет назад. Был хороший весенний день, Паша провел его на даче, все у него получалось, дела спорились. К вечеру он приехал домой в прекрасном настроении. Выходя из машины, увидел, как в подъезд заходит сосед. Это был неприятный старикан, который никогда ни с кем не здоровался, был всегда один, и лет десять, что Паша жил в этом доме, никак не менялся. Заходя вслед за ним, Паша услышал звук падения, он понял, что это упал старик. Первым его порывом было броситься на помощь. Но тут он представил, что вот сейчас придется вызывать скорую помощь, а может, и труповозку, объясняться с полицией, и еще, прикасаться к старому, дурно пахнущему телу, и он свернул на свою лестницу. Впрочем, ничего страшного не произошло. Он еще несколько лет видел его на улице, но каждый раз, где-то в душе скребло чувство собственной моральной неполноценности. Потом старик исчез, наверное, умер, и Пашка не вспоминал о нем долгое время, а вот сегодня вспомнил. «Бабушка, старик», – к чему все это думал Паша. И вдруг понял. Он сегодня перелопатил всю свою жизнь, и ему ни за что не было стыдно. Ни за пьянство, ни за кражи, ни за возможные убийства. А вот за эти два случая стыдно было почти невыносимо. «Простите, простите!», – шептал он в густую собачью шерсть, но никто его не слышал. К утру Пашка забылся, и приснился ему прекрасный сон, о том, как они с Киссоном пришли в гости к ее бабушке, пили чай с манником, а потом неожиданно запели любимую бабушкину песню «На позиции девушка провожала бойца». Впервые за все время, которое он провел в чуждой реальности, на душе было спокойно и даже радостно. Он вылез из палатки, насвистывая «Огонек», чем вызвал всеобщее удивление.

Раскопки у завода решили закончить, и в последние два дня попытать счастья у Сугомакской пещеры, чтобы не терять время, решили переместить туда и лагерь. Собрались быстро, переместились еще быстрее. Возле пещеры протекал ручей, очень чистый в отличие от Пашиной реальности. Там и поляна перед пещерой, и ручей, и сама пещера были загажены многочисленными туристами, а здесь не ступала нога человека. Первым поползновением всех членов экспедиции, было поскорее попасть в недра земли и увидеть там что-нибудь необычное. Но Паша, который неоднократно бывал здесь раньше, сказал, что без специального снаряжения, они не пройдут дальше второго зала. Он остался обустривать лагерь, а Павел, Ольга и собака все-таки пошли на поиски. Установив палатку, и развесив гамаки, Паша решил принести воды, уже подходило время обеда. На камне у ручья, грелась на камне небольшая змея голубого цвета. Скорее всего, это была обыкновенная серая гадюка, но вода в ручье и камни вокруг были голубоватыми, и она показалась тоже голубой. «Ничего себе! Голубая змейка! Неужели мы клад найдем?» – в душе у Пашки забрезжила смутная надежда, на то, что все будет хорошо. Он, не отрываясь, смотрел на змею. А та совсем не опасаясь, продолжала нежиться на последнем осеннем солнышке, потом она медленно поползла среди высокой травы, и скры-

лась под каменной насыпью. Пашка принялся судорожно подбирать камни, которых коснулась змейка. По приданию, здесь должна проходить золотая жила. Но никаких следов золота он не увидел, хотя, конечно, какой из него геолог? Паша направился в пещеру, чтобы рассказать о случившемся, и посмотреть, как она выглядит внутри в этой жизни. Еще на входе он заметил, что на камнях полностью отсутствуют следы копоты, и очень четко виден профиль Ленина, выбитый каким-то умельцем еще в шестидесятых годах прошлого века. Это было единственное свидетельство пребывания здесь человека. Никаких надписей, типа «Здесь был Вася» не было. Отсутствовали и ленточки, которые туристы завязывали «на счастье» на соседних кустах и деревьях. Паша зашел в первый зал, без фонарика было темно и ничего нельзя было различить. Он знал, что где-то рядом находится проход во второй зал, очень узкий, но в принципе пролезть можно. Он не полез, а негромко позвал своих товарищей. Вскоре из прохода выбежала Бенья и сказала: «Ничего там, конечно, нет. Но все-таки интересно, я никогда не бывала в таких местах!» Через несколько минут появились Ольга и Павел, им было гораздо труднее пролезть в узкий проход, но они успешно с этим справились, все-таки не первая у них была экспедиция. Когда все вышли на свет Божий, Паша рассказал о своей встрече с голубой змейкой. Поскольку никаких планов поиска клада у археологов не было, решили воспользоваться подсказкой из легенды и попытаться разобрать каменный завал, под которым скрылась змея, чем и занялись после обеда. Работали все с энтузиазмом, особенно Паша. Даже Бенья пыталась рыть там, где порода крошилась в мелкий щебень. К темноте докопались до полости в груде камней, решили, что может быть это еще один вход в пещеру. После ударной работы и горячего ужина, всех разморило, и все моментально заснуло, еле дойдя до гамаков.

Среди ночи Паша проснулся и вышел из палатки по малой нужде, за ним вылезла Бенья. Ночь была удивительно звездная и холодная, от ручья поднимался туман, на глазах заволакивая всю поляну. У Паши по телу пробежала дрожь, как бывало в те моменты, когда он видел гостей из потустороннего мира. И он увидел. Прямо перед ним вырисовывались силуэты людей в солдатской форме времен Гражданской войны и лошадей, запряженных в телеги. Обоз уходил вдаль, но Паше, казалось, что он уходит в пещеру. На расстоянии вытянутой руки перед ним остановились два бойца. Один пытался закурить, а второй достал часы на цепочке, и неловко уронил их прямо под ноги Пашке. Дрожа от ужаса, он подобрал их, хотел вернуть солдату, но силуэты стали растворяться в тумане. Паша держал в руках тяжелый хронометр, желтый металл приятно охлаждал вспотевшую руку, механически он нажал на какую-то кнопку, и крышка открылась. Стрелки показывали три часа, но через секунду, они стали вращаться в другую сторону, и у Паши появилось непреодолимое желание вернуть их хозяину. Он бросился за растворяющимся в тумане обозом, но никак не мог преодолеть двадцать метров, отделяющих его от последней телеги. Сначала он шел, а потом бежал все быстрее и быстрее, тело было разгоряченным, но вокруг стоял мертвенный холод, и только дыхание бегущей рядом собаки, подсказывало ему, что он все еще жив. Бежали они долго, уже небо стало светлеть, и тут выбившийся из сил Паша споткнулся о корень и полетел носом вперед, отбросив в сторону хронометр. Он встал, потирая ушибленное колено, и обнаружил себя возле той самой старой березы, где он упал перед тем, как попасть в эту передрыгу с параллельной реальностью. В душе затеплилась робкая надежда. Сквозь сгущающийся туман он различил силуэт собаки, которая подобрала часы и пыталась проскочить к нему через раздвоенный ствол дерева. У нее это не получилось. Паша хрипло сказал: «Ты, это... Часы нашим отдай. Они, наверное, их искали». Бенья встала на задние лапы, отдала честь и удалилась, гордо виляя хвостом. «Да уж, теперь с ней сладу вообще не будет, она теперь – главный герой. Только дойдет ли? Дойдет!» – думал Паша, медленно бредя по знакомому лесу. Никогда он не думал, что будет с умилением смотреть на мусор, оставленный туристами, но сейчас, это была для него самая прекрасная картина, ведь это значило, что он вернулся. Но расслабляться было еще рано. Что там дома? Все ли живы? Ждут ли его? С диким волнением он толкнул калитку, огляделся. Все было как в тот

день, когда он был здесь последний раз. На веранде стояла корзинка с груздями, и земля на них даже не засохла. На столе он увидел пачку сигарет и с наслаждением закурил. «Интересно, какой сегодня день?» – размышлял Паша. Он поставил телефон на зарядку и набрал номер Киссона. Ему не ответили. Набрал маму. Услышал родной голос: «Привет, сынуля! Как дела?» Мама говорила как всегда, значит, ничего не знает. И знать ей не надо. Поболтав о здоровье и погоде, он отключился. За воротами послышался шорох шин, подъезжающего автомобиля. Через минуту он увидел Ольгу, свою Ольгу, коротко стриженую блондинку. Со всех ног он бросился к ней, прижал к груди, почувствовал родной запах, в глазах защемило. В это время в машине бесновались Беня и кот, требуя немедленно их выпустить, слава Богу, не используя человеческий язык. Ольга с удивлением посмотрела на мужа и спросила:

– Что-то случилось? По какому поводу такие нежности?

– Просто соскучился.

– За два дня? Совсем тут одичал. Давай, зверей выпустим, а то сейчас весь салон разнесут.

Она открыла машину, кот и собака побежали по своим делам, как делали это всегда, приезжая на дачу. Киссон вытащила сумки с продуктами. Паше хотелось сейчас же рассказать обо всем, что с ним приключилось, эмоции просто распирали его. Но он сдержался, подумал, что вот вечером они растопят камин, нальют по бокалу красного вина, и тогда он медленно и подробно вспомнит все, и Киссон, конечно, поверит ему и все поймет. А пока он пошел в сарай, достал там старую косу-литовку и стал править ее. «Все. Больше никаких электрических газонокосилок на нашем участке не будет», – решил он.

Глава 2

Наступил долгожданный октябрь, но радости не принес никакой. Весь мир сошел с ума. Какой-то гениальный человек, а может и не человек вовсе, придумал фишку с вирусом. И ведь как удобно. Ни тебе ракет, ни разрушений, просто вещай из каждого утюга: «Сегодня умерло столько-то...», и все. Народ сидит по своим норам, границы закрыты. «А как мечталось попробовать на вкус итальянскую осень!» – Ольга грустно вздохнула. Они с Пашкой даже начали учить итальянский язык, но билеты пришлось сдать, путешествие отложить на неопределенное время, а отпуск проводить на даче, которая и так надоела за время этого жестокого лета. Лето было действительно жестоким. Ранняя и теплая весна как будто попыталась компенсировать людям, напуганным неизвестной болячкой и отсутствием четких перспектив на дальнейшую жизнь, их моральные потери обильным и дружным цветением всего, что только может цвести. Но потом настал очень холодный июнь, а потом необычайно знойный и засушливый июль. Народ, наплевав на страхи и защитные маски, потянулся к озерам. Никогда в их дачном поселке не было так шумно и суетно. Но к осени, слава Богу, все разъехались, остались только старики – пенсионеры, да редкие отпускники, как они с Пашей. А сегодня день просто звал пойти в лес, послушать звенящую тишину, погреться на последнем осеннем солнышке. За завтраком было решено поехать на Французскую горку. В прошлом году они открыли для себя это удивительное место. В конце девятнадцатого века некая французская компания построила в Уральских горах завод для добычи хризолит-асбеста. Остатки этого монументального сооружения из розового камня до сих пор привлекают сюда туристов. Но дело оказалось не рентабельным, что немудрено с учетом отдаленности завода от населенных пунктов. Потом началась Первая мировая война, потом Революция, завод пришел в упадок, восстанавливать его никто не стал. Однако по легенде, французы пострадали вовсе не от убытков производства, а от того, что были пойманы на незаконной добыче золота. «Вот и мы сегодня попытаем счастья. А вдруг нам попадется самородок, ну хоть самый маленький, не для наживы, а для интереса!» – мечтал Паша, собирая рюкзак. Взяв с собой немного еды и погрузив в машину Беню, они в хорошем расположении духа двинулись в путь.

Дорога проходила сначала по живописному городку Кыштым, где сияли куполами церкви, а маленькие домики и большие заводы прятались в красно-золотой парче осенних деревьев. Через несколько десятков километров пейзаж изменялся до неузнаваемости и напоминал ад со старинных гравюр, иллюстрировавших Божественную комедию. Мрачные черные холмы отработанной горной породы, сияющие на солнце микроскопическими крупинками меди и пирита, больные деревья на склонах гор, непрезентабельные постройки вдоль дороги и фантастического вида драга,двигающаяся по мутным желтым водам, все это наводило на мысли о фильме ужасов. Они проезжали самый экологически грязный город на Земле – Карабаш. Но и здесь испокон веков жили люди. Те русские люди, которые добывали золото, плавили медь, умирали молодыми, чтобы жила их Великая страна. И вот уже и страны той нет, а они продолжают добывать и умирать... Такие невеселые мысли приходили в голову Ольге, пока на выезде из города она не увидела груды зеленых камней, а на ней резвящихся серых ящериц. Паша остановил машину, они сфотографировали веселую семейку, а заодно и перспективу мрачного, но все же прекрасного Карабаша. Дальше они ехали под музыку Rammstein, переделавшего на свой лад, известную советскую песню «Прекрасное далеко». В этом было нечто символичное, как переплетение жестких реалий жизни со светлыми надеждами на будущее. Спустя полчаса путешественники добрались до пункта своего назначения. Вернее, в последний населенный пункт, дальше надо было идти по лесной дороге. Собака, почуявшая свободу, носилась как угорелая, пока вся компания не подошла к небольшой речке, заросшей камышом. Над речкой высилась весьма хлипкая конструкция, гордо именуемая мостом. Люди бес-

страшно вскарабкались на него, но Бенья, посмотрев на это сооружение, встала, как упрямый осел. Как ее ни звали, какие предпочтения ей ни предлагали в виде колбасы и сыра, собака стояла на своем, то есть на берегу. Паше пришлось вернуться, поднять на руки двадцать килограммов живого веса и перетащить капризулю на другую сторону. Дальше идти было просто приятно. Хрустальный, как у Тютчева день, радовал их сердца, и ноги бодро преодолевали пока не крутые подъемы. По дороге они встретили мужика с металлоискателем, тот совершенно открыто сообщил, что ищет золотишко, что за лето насобирает сто двадцать граммов. А на вопрос Павла, где лучше всего попытать счастья только хитро рассмеялся. Вдохновленные такой информацией, и нисколько не обидевшись на старателя, туристы двинулись дальше. Бенья ломанулась в кусты, даже по хвосту было видно, что учуяла зверя. Ломая сухие ветки, она выгнала на поляну енотовидную собаку, но что делать дальше, она не знала. Теоретически теперь должен был раздаться выстрел, добыча повержена, а она, Бенья – герой дня. Но хозяйева только достали телефоны и начали снимать енота, пока тот не ретировался в ближайшие заросли. Бенечке, конечно же, стали петь дифирамбы, какая она, дескать умница, красавица, добычица и т. д. и т. п. Но даже колбасой не поощрили, сказали, рассчитаются на привале. Шли еще довольно долго, но вот, наконец, на золотом фоне берез показалось массивное здание бывшего завода. У Ольги по спине пробежала дрожь, и защемило глаза. Так всегда бывало, когда она видела что-то величественное. А эти руины были величественны, нисколько не хуже развалин Линдоса или Луксора, хоть и менее древние. «Вот, как? – думала она, – наши прапрадеды, практически без всякой техники, в глухом лесу возвели это технологичное сооружение с множеством вентиляционных шахт, колодцев и других коммуникаций?» Мысль о предках зацепила ее. Все ее детство прошло с прабабушкой, 1897 года рождения. Баба Шура хорошо помнила годы Революции, и, наверное, вполне могла застать людей, живших при крепостном праве. Как все близко в исторической перспективе! И да, ее, Ольгин, прапрадед, теоретически мог участвовать в строительстве этого завода. На самом деле он, жил совсем в другом конце губернии и был столяр – краснодеревщик. От этих глубоких размышлений ее отвлек Павел, предложив разбить небольшой лагерь и перекусить. Они поднялись чуть выше в гору к маленькому озерцу, обрамленному скалами, заросшими мхом, и устроились возле огромного валуна. Ох, какой русский не любит поесть? Особенно на природе. Бутерброды и чай были моментально сметены, причем больше всех поживилась собака. А как же! Ее как заслуженного охотника и участника дальнего похода премировали с двух сторон. Потом Паха собрал металлоискатель и пошел прочесывать ближайшую поляну, а Ольга с Бенией вернулись к развалинам, чтобы набрать красивых камушков, валявшихся здесь в изобилии. Ольга подбирала осколки мрамора, яшмы, змеевика, хризолита потом находила новые, более интересные, старые оставляла. С недавних пор камни стали очень привлекать ее. Ведь только подумать, вот эта симпатичная, отполированная самой природой яшма могла видеть, например, динозавров. А вот этот змеевик, может быть, использовали для своих хозяйственных нужд первобытные люди. Камни, каким-то образом, выстраивали ее понимание времени. Также как птицы удивляли ее, как покорители пространства. Какая-нибудь малая птаха, типа соловья, летела на зимовку с Урала в Африку. Как она преодолевала тысячи километров своими маленькими крылышками? Когда Ольга думала об этом, у нее от умиления сжималось сердце. Размышления о времени и пространстве были неожиданно прерваны ощущением присутствия кого-то чужого. Ольга подняла глаза и на фоне розовой стены увидела белесого карлика. Он смотрел на нее белыми злыми глазами. От испуга женщина попятилась и полетела в узкую глубокую штольню. Ее дикий крик разнесся на многие километры, повторенный лесным эхом. После падения на такую глубину от нее должен был остаться только переломанный труп. Но дно штольни было покрыто многолетней перепревшей листвой, и Ольга плюхнулась в мягкую грязь, практически ничего не повредив. Вслед за ней прилетела собака. Зная характер Бени, Ольга понимала, что это не подвиг мужественного животного, бросившегося вслед за хозяйкой, значит, собаку сбросили.

Но ведь ее надо было еще схватить! Ольга погладила скулившую любимицу, на ощупь повреждений не обнаружила. Когда прошел первый ужас от случившегося, собака и женщина начали громко звать на помощь, каждая по – своему. Но Ольга понимала, что никто на их призывы не придет. Ведь Паша был где-то рядом и не мог не слышать их завываний, но помня о том, что недавно приключилось с мужем, она понимала, что теперь настал ее черед приключений. Она попыталась успокоиться, убеждая себя, что если не погибла сразу, значит, для чего-то она понадобилась. Обнимая дрожащую всем телом собаку, Ольга попыталась восстановить события, вспомнить, как выглядел злой карлик. Да и был ли он? Безусловно, был, иначе здесь бы не было собаки. Да и сама она не могла так оступиться, все-таки она ходила на приличном расстоянии от штольни, значит, ее «подвинули». Было совершенно не ясно, что делать. День уже клонился к вечеру, в колодце становилось темно и холодно. Внезапно силы оставили Ольгу, и она, видимо непроизвольно включив внутреннюю защиту, уснула, «вырубилась» как говорят в таких случаях. Бенья тоже видимо спала или просто затаилась, экономя силы. Ночью обе проснулись. Стоял жуткий холод. Ольга попыталась поделаться физические упражнения, но это мало помогло, к тому же сильно хотелось, есть и пить. Она провела рукой по бревнам, которыми была выложена штольня, они были влажными. Ольга полизала горьковатую поверхность, но жажды, это, конечно, не утолило. Глядя ввысь на светлеющий постепенно квадрат неба, она подумала: «Да, если бы на моем месте был какой-нибудь каратист-десантник, он бы легко поднялся по этим бревнам, но с моей физической подготовкой, это не вариант...» Тем не менее, она попыталась встать на бревна и упереться в них. С левой стороны бревно, видимо, подгнило и сломалось под ее весом. Она попыталась вытащить обломок, и он неожиданно легко поддался. Используя его как рычаг, она попыталась отделить второе верхнее бревно. При этом она думала: «Если оно отделится, могут посыпаться все бревна, тогда тебя пришибет, но это, по крайней мере, будет быстрая смерть». Второе бревно тоже сломалось, его обломок Ольга попыталась использовать, как таран для третьего. Таран получился никакой, бревна были гнилые, да и женских сил не хватало. С горем пополам ей все-таки удалось вскрыть узкую нору, уходящую в сторону от штольни. Нужно было ползти. Но тут обозначилась новая проблема, Бенья никак не хотела лезть в подземный ход. Ругаясь последними словами, Ольга затолкала собаку вперед себя и, подгоняя ее тычками, заставила ползти. Никогда в жизни Ольге не было так страшно, она понимала, что если нора никуда не ведет, то это – их с Беней могила, а смерть им предстоит мучительная и долгая. Но постепенно ход стал расширяться, вот уже она могла встать на колени, и впереди забрезжило какое-то подобие света, хотя, может, это был обман зрения. Однако собака, которая уже могла идти в полный рост, пошла вперед значительно живее. Наконец, они увидели реальный дневной свет, который пробивался через зарешеченное оконце в конце туннеля. Ольга заплакала от досады, ведь с железной решеткой ей было не справиться. Но тут Бенья, подбежав к отверстию, толкнула проржавевшую конструкцию лапами, и она отвалилась. Женщина и собака оказались на свободе. Слегка отдышавшись, Ольга оценила ситуацию. Они вылезли из какого-то бетонного сооружения, напоминающего дзот. Раньше, такие бункеры, наводили ее на мысль, что это части каких-то газовых или электрических коммуникаций, но никаких труб или кабелей внутри него не наблюдалось. Тем не менее, для чего-то же этот объект был построен, значит, рядом есть или какие-то постройки, или хотя бы дорога. Очень хотелось есть. Ольга вспомнила рассказы своего деда о том, как во время войны, они, подростки, питались тем, что находили в лесу. Некоторые растения он ей показывал, но как же давно это было! Ольга оглядела лесную опушку, на которой в изобилии росла душица, сорвала жесткий стебель и, попробовав пожевать, выплюнула. Чай с этой травкой хорош, но употреблять в пищу невозможно. Сил не было, но надо было идти, искать людей. Они зашли в лес, здесь не было никаких тропинок, но и зарослей непроходимых тоже не встретилось. Собака тихо тащилась рядом, никуда не убегая. По пути им встретился куст ревеня, с уже пожелтевшими и засохшими листьями, но все-таки, стебли можно было пожевать

без отвращения, и хоть чем-то заполнить желудок. Потом Ольга обобрала куст шиповника, ягоды были невкусными, но она убеждала себя, что они придадут ей сил. Собака обходилась просто осокой. Так они брели часа два, потом вышли на большой луг и пошли по еле наметившейся тропинке, которая привела их к роднику. Родник был непростой, а с крышкой, сделанной из нержавеющей стали, в голове у Ольги мелькнули смутные воспоминания, но она не задержалась на них, лишь подумала: «Надо же, как еще в металлоприемку не утащили такую железяку». И тут она увидела забор из штакетника, длинный, он шел по краю луга, а сразу за ним начинался сосновый бор. Они пошли вдоль забора, и вскоре набрали на будку со шлагбаумом. Охраны не было, они зашли на территорию, недалеко обнаружился маленький домик, по всей видимости, обитаемый. Бенья было приободрилась, и понеслась вперед, но остановилась, услышав злобный собачий лай. На крыльце появился высокий крепкий старик, в руках он держал газету «Правда». Ольга поздоровалась, и только сейчас осознала, как выглядит. Вся в грязи, всклокоченные волосы, под ногтями земля. Старик посмотрел на нее, коротко спросил: «Откуда такие?». Ольга, глядя на газету, промямлила, что-то типа: «Заблудились». В это время она мучительно соображала, что говорить? Ведь человек, читающий «Правду», не поверит ни слову из ее рассказа. Но дед ничего не стал спрашивать, позвал в избушку, налил в умывальник воды, дал мыло и чистую тряпку вместо полотенца. «Умойся, – велел он, – я твою собаку привяжу». Бенья, ломившаяся в дверь, и подвывавшая на все лады, дала себя увести за ошейник во двор, где была привязана на веревку, очень кстати, оказавшуюся в сенях. Хозяин вернулся, налил в миску воды, отрезал полбуханки ржаного хлеба и отнес собаке. Ольга слотнула слюну. Старик вернулся, спросил: «Сколько дней в лесу?» Узнав, что плутали они только сутки, налил Ольге чаю, напластал большими ломтями хлеб, отрезал несколько кусков розовой с белыми жиринками колбасы, вытащил вазочку с карамельками. «Питайся, – сказал он, – потом поговорим». Ольга набросилась на еду, при этом мучительно соображая, что расскажет хозяину через несколько минут. Она уже посмотрела, что газета была за тринадцатое октября 1975 года. Учитывая Пашин опыт, она поняла, что реальность «сильно не та». И что в этой реальности за правдивый рассказ психушка обеспечена, поэтому она рассказала, что упала в колодец в районе Французской горки, собака прыгнула за ней, и по подземному ходу они оказались здесь.

– Это где же Французская горка находится? Что-то я такого места не знаю, – сказал хозяин.

– Под Миассом, – ответила гостья.

– Так это ж километров сто пятьдесят... Как вы за сутки-то дошли? Хотя под землей... Кто его знает... Как звать-то тебя?

– Ольга.

– Олена, значит. А меня зови Дмитрий Кириллович.

На Ольгу повеяло чем-то родным и до боли знакомым. Дмитрий Кириллович, так завали ее прадеда, который погиб на войне, но которого в семье часто вспоминали. И она сама ходила с его портретом на шествие Бессмертного полка, когда никого из старших уже не было в живых. «Неужели он?» – подумала Ольга. На фотографию не похож совсем. Но дома, когда еще были живы дед и бабушка, ее звали Оленой, хотя на Урале часто переименовывали имена.

– Ну, стало быть, так. Сейчас тебе надо отдохнуть. Это пионерский лагерь, дети, понятное дело, разъехались, учатся, а я сторожу. Есть здесь один отапливаемый корпус, сюда начальство в баню приезжает. Я тебя сейчас туда определяю, помоешься, поспишь. А завтра видно будет.

Ольгу захлестнуло чувство неизъяснимой благодарности, она подумала, а что если бы она вот в таком положении оказалась в России в 2020? Да на порог бы близко не пустили, подумали бы бомжиха, пусть подышает в лесу.

Дмитрий Кириллович повел гостью по узкой аллее, по бокам которой были расставлены гипсовые скульптуры юных пионеров. На Ольгу медленно наплывало узнавание. «Это же наш лагерь, где я отдыхала младшей школьницей, или другой, очень похожий!» – думала она, но

не решалась ни о чем спрашивать. Вскоре они подошли к двухэтажному кирпичному корпусу. Старик открыл дверь, они прошли по ковровой дорожке в довольно просторный холл. Там стоял диван и огромный ламповый телевизор «Темп», невероятная роскошь по тем временам. Ольга осталась в холле, а дед заглянул в соседнюю комнату, достал оттуда подушку и две простыни, потом прошел в конец здания, что-то включил, послышался ровный гул работающего механизма. Вернувшись, он сказал: «Здесь на диванчике переночуешь, за собаку не беспокойся, я сейчас своих кормить буду, ей тоже каши дам. Прямо по коридору – сауна. Поможешь, за собой все прибери. Сейчас протопится, отключится сама по себе». С этими словами он вышел, в замке повернулся ключ. «Закрыл, – забеспокоилась Ольга, – а ты бы не закрыла? Здесь такие ценности, а ты – не пойми кто». В ожидании теплой воды, женщина решила включить телевизор. Она прекрасно помнила, как управляться с этой техникой. Щелкнув тугим выключателем, она подождала несколько минут, и вот на экране появилось изображение. Переключая каналы, круглой ручкой, она убедилась, что их всего два. По первому шел шпионский фильм всех времен и народов «Семнадцать мгновений весны», а по второму чопорная дама с высокой прически читала новости. Новости все были хорошие, о том, что выполнили и перевыполнили, ввели в эксплуатацию новые мощности и построили животноводческий корпус на тысячи голов скота. Слушать это было намного приятнее, чем сообщения о бесконечных военных конфликтах, непонятных вирусах и микроскопических стройках. Правда, теперь какой-нибудь коровник в селе отремонтируют и трубят об этом на всю страну. Как они докатились до жизни такой? Она уже много лет жила с чувством вины, которое мало кто разделял из ее поколения. Да, это они, которым в девяностые было по двадцать – тридцать лет развалили Великую страну. Это их поколение так жаждало свободы, секса и рок-н-рола, что как только их поманили призраком легкого обогащения, они забыли и предали все, чему их учили. Все они думали, что вот теперь, помотавшись по турецким и китайским базарам, вмиг станут миллионерами. И они стали, когда рубль обесценился до невозможности. И они перестали быть инженерами, учителями, врачами, а гордо именовали себя предпринимателями. А некоторые, еще более гордо – бандитами. Что мы имеем теперь? Разрушенные заводы, отсутствие нормальных рабочих мест, и как следствие, социальных гарантий. Медицина за деньги, обучение – дистанционное. Как говорится, за что боролись ...

Вздыхнув, она выключила телевизор и пошла в сауну. Сначала постирала свои кроссовки и одежду, потом блаженно растянулась на горячих досках, пахнущих хвоей. «А неплохо живет начальство!» – подумала она. Но это не вызвало у нее раздражения, которое неизбежно возникало, когда она думала о современной «элите». «Эти отвечали за все. И за производственные показатели, и за детские сады, еще и пьяниц воспитывать умудрялись. А сейчас не то, что алкоголики, высококлассные специалисты легко выбрасываются на помойку. Люди – новая нефть, новомодный лозунг российской верхушки. И нигде нет хозяина. Такого, как председатель Трубников, из культового советского фильма, который пришел бы и честно сказал народу: «Вы развращены нищетой и бездельем. Отныне – десятичасовой рабочий день в полеводстве и двенадцатичасовой – на ферме. Зато через несколько лет жить будем как люди!». Нет сейчас таких «председателей», отрицательный отбор в руководство честности и профессионализма не приветствует. А ну как подчиненный будет умнее начальника? Да и кому сейчас говорить? Офисному планктону. Рабочий класс-то у нас на русском языке почти не изъясняется. «Нашла о чем переживать именно сейчас, – подумала Ольга, – надо придумать, как отсюда выбраться». Дед вызывал у нее симпатию, но где гарантии, что он уже сейчас не звонит в КГБ и не докладывает, о происшествии. Что она может рассказать на допросах? Прикинуться приезжей из Москвы? Вычислят в один миг, в то время все жители были строго учтены по прописке. Да и вид у нее, даже для приезжей, экстравагантный, одни белые кроссовки чего стоят. Сказать, что потеряла память? Ну и все равно психушкой закончится. Ольга решила говорить правду, а там будь, что будет.

Проснулась Ольга рано утром. Вещи были чуть влажные, но она оделась, умылась и стала ждать, когда объявится Дмитрий Кириллович. Он не заставил себя ждать, прежде чем забрать ее из «начальнического» корпуса, дед прошел по нему, проверил все ли в порядке, и, по всей видимости, остался доволен. Сразу расспрашивать ни о чем не стал, повел завтракать к себе в сторожку. Бенья, увидев хозяйку, завизжала и рванулась с веревки. Ольга быстро подошла, обняла и погладила собаку, шепнула ей: «Потерпи, скоро все определится!». Собака, как будто, поняла, затихла и легла в сторонке. «Ну, рассказывай все по порядку. Кто ты, что ты, откуда?» – сказал Дмитрий Кириллович, наливая ей в чашку крепкий чай. Ольга поняла, что наступает решительный момент. «Если я расскажу правду, вы все равно не поверите», – ответила она и смело посмотрела в глаза старику. «А ты за меня не решай, может, и поверю», – произнес он, медленно намазывая на хлеб густую сметану. И Ольга начала рассказывать. Старик слушал, молча, только иногда качал головой. Когда рассказ иссяк, хозяин долго молчал, потом сказал: «Тут надо подумать». «А мне сейчас что делать?» – спросила женщина. «А ты бери метлу, да мети аллеи, потом листву жечь аккуратненько будем. Труд он, знаешь, успокаивает», – ответил Дмитрий Кириллович. Он выдал ей инструмент, отвязал с веревки Бенью, показал фронт работ и ушел по своим делам. Ольга сметала листву с асфальтированных дорожек, сгребала ее в большие кучи. Бенья носилась вокруг, казалось, она совсем не ощущает, что оказалась в другой жизни. Вскоре женщина справилась с выданным ей заданием, и пошла, искать сторожа, чтобы взять у него спички и начать жечь костры. Идя по территории, она все больше убеждалась, что это ее пионерский лагерь имени Аркадия Петровича Гайдара. Вот полукруглые деревянные дачи, рассчитанные на один отряд, в левом крыле мальчики, в правом – девочки. Вот столовая, где кормили вкусной, почти домашней, едой. Клуб, медпункт. Плац, где каждое утро они выстраивались на линейку и поднятие флага. В детстве ей не нравилось быть в пионерском лагере. Здесь требовалась дисциплина, нужно было ходить строем, в прямом смысле, а им было по семь – десять лет, и им хотелось бегать, купаться без присмотра, не спать в сончас. Но зато были игры в «Зарницу», страшные истории по ночам, поиски разных красивых камушков, из которых можно было сделать кулончики. А потом в середине восьмидесятых она работала здесь вожатой, и это была совсем другая история. Первый раз тогда она почувствовала колоссальный груз ответственности за чужие жизни. В отряде было тридцать человек сорванцов, а вместо воспитателя, был второй вожатый Женька Леденев, такой же бестолковый, как и она. Целыми днями они крутились, как белки в колесе, а по ночам собирались пить портвейн и слушать рок-н-рол. Как же они любили эту музыку! «Аквариум», «Кино», «Браво» и, конечно, всю «иностранщину». Только недавно она удосужилась почитать в интернете переводы своих любимых песен и пришла в полнейшее замешательство. Оказывается «Отель Калифорния», вовсе не про воспоминания о минувшей любви, а практически сюжет для фильма ужаса, да и «Дом восходящего солнца» имеет совсем неоднозначный текст. Она сознательно не стала интересоваться переводами песен любимого Queen и Deep Purple. Нет, все-таки коммунисты были не дураки, запрещая рок-музыку, пусть слов почти никто не понимал, но энергетика их сохранялась. Может, поэтому и рухнул Советский Союз, конечно, это наивное предположение, но не совсем уж бестолковое. Их хорошо учили в школе истории, и не только истории, поэтому Ольга прекрасно понимала экономическую подоплеку всех революций, но ведь путь к обществу потребления лежал и через увлечение большей части ее сверстников рок-н-ролом. Как она понимала теперь, тон в рок-н-рольной тусовке задавали дети, отнюдь не из бедных семей. Кто в то время мог себе позволить виниловые диски по восемьдесят рублей за штуку, а джинсы за триста пятьдесят, а кроссовки за сотню? У ее мамы зарплата была всего девяносто. Но они, простые пролетарии тянулись к этой музыке, и к этому образу жизни, думая, что вот там-то и есть подлинная свобода. Легко было так думать, когда у тебя была гарантированная работа, обеспечивающая кусок хлеба с маслом. Многие поняли, что все не так, только когда позакрывались заводы и фабрики, а вся страна стала похожа на один большой грязный базар. Хотя

многие так и не поняли. Кто спился, кого пристрелили в бандитских разборках. Но молодость все-таки прекрасна, и Ольга с радостной грустью узнавала давно забытые места. Так в приятных воспоминаниях она дошла до памятника Гайдару. Он был изображен читающим книгу мальчику и девочке в пионерских галстуках. Ольга потеряла его бронзовый лоб и подумала, что в принципе, неплохой был человек. Отважный, в шестнадцать лет полком командовал, потом детские книжки писал, а в Великую Отечественную погиб, прикрывая отход своих товарищей. Герой. Сын его тоже был достойный гражданин, адмирал флота. А вот внук, некрасивый, похожий на борова, человек сделал нищими полстраны и гордился этим до самой смерти. До сих пор Правительство устраивает шабаш, под названием Гайдаровский экономический форум, где либералы всех мастей обсуждают каким образом высосать из страны последние ресурсы. Как причудливо тасует история человеческие судьбы. И интересно, как бывший премьер-министр Егор Гайдар смотрит на том свете в глаза своему деду Аркадию. И второму деду, Павлу Бажову, который с такой любовью записал уральские сказы. Ольга в детстве зачитывалась ими, и верила в них всю жизнь. «Вот, наверное, и загремела сюда, по вере своей», – подвела она итог своим размышлениям. Вскоре почувствовав запах дыма, она нашла Дмитрия Кирилловича. Они сожгли несколько больших куч листвы, аккуратно разгребли пепел и отправились к сторожке. День подходил к концу, Ольга ожидала, что старик огласит свое решение. Но он молчал, и чтобы отодвинуть судьбоносный разговор, Ольга предложила сварить, что-нибудь на ужин. Хозяин значительно оживился. Спросил: «А борщ сможешь?». «Смогу», – ответила женщина. Тут же появились все необходимые продукты, включая свиную лопатку. Ольга всегда поражалась, слушая рассказы об отсутствии продуктов в СССР. Правда, она жила с родителями в закрытом городе, заводы которого работали на «оборонку», где снабжение, организованное в пятидесятые годы Берией, вплоть до развала Союза, осуществлялось на высшем уровне. Но бывая в окрестных городах и селах у знакомых и родственников, она никогда не видела недостатка еды в холодильниках, при полном ее отсутствии в магазинах. У всех были какие-то связи с продавцами, работниками столовых или какими-нибудь начальниками. Все оказывали друг другу услуги и, в общем, все жили нормально. Вот и сейчас Ольга наслаждалась готовкой из качественных продуктов. Борщ получился наваристым, но не жирным, а запах был просто божественным. Хозяин довольно улыбался, пока она накрывала на стол. Потом он вытащил бутылку «беленькой», как помнила Ольга за «три шестьдесят две», налил себе полстакана. Спросил ее, видимо, для проформы: «Будешь?». «А что ж, выпью!» – ответила она. Дед достал маленькую стопку и налил доверху: «Ну, будем!» – провозгласил он. Они выпили, заели борщом. «Ай, молодец!» – восторгался Дмитрий Кириллович, поглощая суп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.